

Сглотнув металлический привкус, подступающий к горлу, Эмили моргает, прогоняя системные сообщения, и неуверенно поднимается на ноги.

— Это обычно вызывает такую сильную реакцию? Это сработало? — с сомнением спрашивает Диего у старика.

— А то ж сработало, сопляк, — рычит тот, тут же с размаху опуская трость на голени Диего. — Такая реакция и бывает, когда кто-то с характером пытается сопротивляться!

Пытается — и успешно, старый хрыч!

Эмили делает глубокий вдох, сдерживая гнев и стараясь не выдать его на лице. Она поднимает руку, чтобы убрать Часы обратно в карман.

— Вообще-то, у меня есть отличный способ проверить. Стой, девчонка, — приказывает Диего.

Эмили замирает и переводит на него холодный взгляд.

— Отдай мне эти часы.

— Чёрт, — бормочет Эмили, мгновенно активируя Часы. — Ни за что не буду снова встречаться с этим ублюдком без своей страховки.

Она снова оказывается в своей комнате — остаточная боль от ментальной атаки полностью исчезла. Эмили облегчённо выдыхает, поднимая руку и массируя виски, вспоминая пережитое. В голове всплывает вопрос.

Если бы я отдала ему Часы, и он нажал кнопку... меня бы принудительно откатило? Нет, стоп. Система говорила, что внутреннее снаряжение может использовать только владелец.

Отмахнувшись от этой мысли, Эмили открывает систему, чтобы проверить последнее уведомление.

[Ментальная стойкость (пассивное)]

Пользователь выдержал ментальную атаку более сильного мага, находясь в состоянии умственного истощения. Его воля доказана!

— Даёт +10% сопротивления ментальным атакам

Погоди... в состоянии умственного истощения? Неужели откат от взгляда на то наблюдательное заклинание был настолько сильным? Интересно... но я не уверена, насколько большую разницу дают эти сопротивления. Полагаю, бонусы от разных навыков складываются, значит, с +20% от Магической сети у меня теперь всего 30%. А при 100% все ментальные атаки будут блокироваться?

Её размышления прерываются, когда в комнату снова врывается Хербер. Эмили надевает привычную маску лжи и снова одна выходит в лавку, чтобы встретить магов Мандраго. Она повторяет тот же процесс, что и в прошлый раз, следуя за ними в их поместье, но теперь всё время держит Часы сжатыми в кармане штанов, не давая им ни единого шанса их заметить.

Она медитирует, ожидая прибытия старейшины, и, стиснув зубы от грызущей боли — куда меньшей, чем в прошлый раз — сопротивляется его заклинанию. Затем поднимается и ждёт, пока Диего снова начнёт жаловаться.

— Это сработало? — спрашивает он.

— А то ж сработало! Да как ты смеешь сомневаться в моей работе, — рычит старик.

Диего неловко кашляет и продолжает:

— Прошу прощения за сомнения, почтенный старейшина, ваша работа, как всегда, безупречна.

Он смиренно кланяется, не оставляя ни следа своей обычной заносчивости.

— Тьфу, неблагодарный щенок! — ворчит старик, ковыляя к двери.

Стоит ему уйти, как надменность Диего возвращается, и он приказывает всем сидеть молча, сам же усаживается и начинает медитировать.

Эмили с готовностью подчиняется, устраиваясь в мягком кресле и погружаясь в собственную медитацию.

После часа молчаливого ожидания в комнату входит слуга.

— Патриарх желает вас видеть! — объявляет он, прежде чем поклониться и повести их вперёд.

Эмили поднимается, почувствовав крошечное увеличение маны в своём круге.

Очень медленно... но, похоже, медитация увеличивает мой круг. Интересно, он тоже сбрасывается при откате?

Она снова оказывается в окружении четырёх магов. Однако теперь в них нет той осторожности, что была раньше.

Группу ведут к подножию лестницы, где слуга отступает в сторону и кланяется. Они продолжают подниматься без него и оказываются перед большой, богато украшенной дверью, похожей по дизайну на ворота поместья, с изящной резьбой корней и листьев по всей поверхности.

Диего останавливается перед ней, жестом приказывая остальным остановиться, затем нервно поправляет одежды и проверяет осанку. Эмили тоже глубоко вдыхает, сжимая Часы для уверенности, готовясь снова встретиться с тем ужасающим магом.

Большие двери расходятся и медленно распахиваются, не издав ни звука, и мощное, знакомое присутствие мгновенно накрывает их. Волосы на затылке Эмили встают дыбом, когда группа начинает двигаться вперёд, сопротивляясь давящему ощущению.

Сейчас гораздо легче. Он не кажется злым.

Зал, в который они входят, — это огромный приёмный зал с высокими колоннами из гладкого известняка и знаменами с гербом семьи, развешанными сверху. В центре потолка висит прекрасная кристаллическая люстра, усыпанная сверкающими золотыми кристаллами маны, наполняя зал плотным светом, насыщенным маной.

Богатый зелёный ковёр от лестницы тянется через центр зала к внушительному трону, вырезанному из дерева, которое Эмили узнаёт как акацию, и обитому мягким зелёным бархатом. Всё дерево покрыто бесчисленными рунами, пульсирующими силой.

Интересно, у них есть магическая древесина получше, или они ограничены обычной акацией?

На троне, закинув ногу на ногу и опершись подбородком на кулак, сидит человек, которого Эмили и ожидала увидеть. Его пронзительные голубые глаза, которые теперь кажутся похожими на глаза Диего, заставляют её дрожать даже без бушующей в них ярости.

Группа останавливается в нескольких метрах от трона, и дворянские маги слегка кланяются, приложив правый кулак к сердцу, а левую руку убрав за спину. Эмили быстро повторяет за ними и молчит, пока говорит Диего.

— Мы смиренно приветствуем Патриарха, маркиза Николаса Мандраго!

— Встаньте. Это тот самый талант, которого вы сочли нужным представить мне?

Эмили неловко переминается под его пристальным взглядом, пробуждающим неприятные воспоминания. Она всё ещё чувствует плотную ману, окутывающую его — пока спокойную, позволяя ей немного расслабиться, но всё же предупреждающую о скрытой угрозе.

У него нет причин нападать на меня.

— Да, оте—

— Не смей называть меня так здесь! — рычит Николас, и Диего хватается за горло, задыхаясь.

Эмили вздрагивает.

Вот так.

Через пару секунд Патриарх снимает заклинание.

— Прошу прощения, Патриарх, — выдавливают Диего между судорожными вдохами.

Как он накладывает заклинания? Он ведь вообще ничего не делает.

— Это Эмили Колдстоун, дочь часовщика из города, и та, кто украла наши кристаллы молнии. Ей пятнадцать, и она уже самостоятельно пробудившийся маг первого круга. Я подумал, вам будет интересно узнать о столь перспективном таланте.

Эмили бросает взгляд в сторону, замечая на лице Диего ту самую жуткую ухмылку, от которой у неё по спине пробегает холодок.

Нет.

— Она украла эти кристаллы у Хранителя Пустоты? — спрашивает Патриарх с холодком в голосе, прищурившись.

Удушающее давление обвивает её, на этот раз лишая лишь дыхания, но не движения. Она хватается за горло свободной рукой, всё ещё крепко сжимая Часы в другой, пока лёгкие требуют воздуха.

— А что с её семьёй? — холодно продолжает он.

— Они всё ещё живы, — говорит Диего, получая в ответ свирепый взгляд и поспешно поясняя: — Она просила нас не убивать их, так что я решил, что будет проще заставить её сотрудничать, если я этого не сделаю. Я пошлю слуг убить их сразу после того, как закончу здесь.

ЧЁРТ!

Лицо Эмили искажается от ярости: в глазах вспыхивает молния, когда она смотрит на него. Патриарх не принимает её открытой враждебности и щёлкает пальцем в её сторону, мгновенно ломая ей ногу.

— Хорошо. Мы не можем позволить смертным красть у нас, так что нужно показать пример, когда они пытаются.

Я ничего не могу сделать. Они всё равно убьют папу. И в этот раз ещё и Анну!

Зубы Эмили трещат от силы сжатой челюсти, пока её захлёстывают ярость и отчаяние. Она встречается взглядом с Патриархом, когда время начинает откатываться назад, выжигая его разъярённый образ в её памяти.

Однажды я разорву тебя на части.

Эмили возвращается в свою комнату, бумага, разлетевшаяся при её пробуждении, всё ещё висит в воздухе. Однако в тот момент, когда листы опускаются на пол, её ярость исчезает, уступая место ледяному спокойствию, а шестерёнки в её голове начинают бешено вращаться, выстраивая новую логическую цепочку.

Я не смогла спасти родителей. Возможно, не смогу спасти Хербера. Но, может быть... я смогу сохранить жизнь Анне.

Она резко вскакивает, отбрасывая стул, когда в комнату врывается Хербер. Эмили полностью игнорирует его, расхаживая взад-вперёд и кусая большой палец.

В том цикле, где Диего убил папу после моего разговора с ним, он не убил Анну сразу. Патриарх сказал только, что нужно подать пример, а кто лучше разнесёт этот пример, чем единственный выживший? Мне просто нужно заставить Диего правильно сформулировать это, и тогда есть шанс, что она выживет.

Когда план складывается, Эмили наконец обращает внимание на Хербера и поднимает на него взгляд. Он вздрагивает, увидев выражение её глаз, и его тревога лишь усиливается, когда её лицо смягчается — от ледяной решимости к горькой печали.

— Эмили, что случилось? Что ты сделала?

Эмили вздрагивает от его слов, хмурясь, когда фраза задевает её совесть.

— Эми?

— Я не хочу объяснять это сейчас, — устало бормочет она, быстро поднимая руку и активируя Часы.

Эмили снова встречает Хербера, уже с привычной маской спокойствия на лице, и готовится встретить магов Мандраго, не предупреждая его, чтобы он не входил.

Они снова заходят в лавку, следуя тому же сценарию слово в слово, пока Хербер не входит в тот момент, когда они проверяют Эмили на ману.

— Карлос, он нам не нужен, разберись с ним!

Эмили отводит взгляд, когда кинжал вонзается ему в горло, позволяя себе не смотреть на смерть, которую скоро всё равно удастся отменить. После того как его тело падает на пол, Карлос не делает попыток пройти дальше в дом, и все терпеливо ждут, пока Мигель закончит проверять Эмили.

— Она маг первого круга! — восклицает он через несколько мгновений, разжигая жадность в глазах Диего.

— Отлично! Сколько тебе лет? — Диего начинает свои повторяющиеся расспросы.

— Пятнадцать.

— Тебя кто-нибудь когда-нибудь обучал магии и как ты пробудилась?

— Меня никто никогда не обучал. Я нашла кристаллы в обломках и экспериментировала с ними, пока не смогла извлечь из них энергию. А потом просто последовала за инстинктом, и всё получилось.

— Прекрасно! — сияет Диего. — Пойдём с нами и стань вассалом семьи Мандраго!

— Хорошо.

Диего разворачивается на каблуках и широким шагом направляется к двери.

Богиня! Он даже не задумался, почему я согласилась уйти с ним после того, как он убил моего отца. Ему вообще хоть кто-нибудь когда-нибудь отказывал?

— Карлос, сожги тело, — небрежно бросает он через плечо.

— Подождите! Пожалуйста, оставьте тело, чтобы моя сестра могла похоронить его как

положено. Его могила станет напоминанием другим людям не совершать ту же ошибку, что и я, — Эмили тщательно подбирает слова, следя за реакцией Диего.

Тот раздражённо оглядывается через плечо, но в его глазах вспыхивает жестокий огонёк, который Эмили не упускает.

— С этого момента не смей мне перечить и ставить под сомнение мои решения, — говорит он, на секунду замолкая, пока на его лице появляется лёгкая улыбка. — Но на этот раз я исполню твою просьбу, раз уж ты так охотно идёшь с нами. Мигель, иди сообщи сестре, почему её отец мёртв.

Мигель исчезает в глубине дома, и сердце Эмили начинает бешено колотиться.

Они ведь не убьют её прямо сейчас, да?

Через минуту он возвращается, а следом слышатся торопливые шаги, и Эмили накрывает волной облегчения.

— Сделано, — говорит Мигель, заходя внутрь, переступая через тело Хербера и присоединяясь к ним, пока Диего тут же выводит всех наружу.

Эмили успевает лишь один раз взглянуть на Анну — та стоит над телом их отца с выражением ужаса на лице, — прежде чем они выходят из лавки. Видя мучение Анны, Эмили сдерживает желание расплакаться и снова идёт за Диего через город.

Некоторое время спустя, после ещё одной попытки промывания мозгов и долгой медитации, чтобы скоротать время, Эмили снова возвращается в главный зал резиденции семьи Мандраго. На этот раз, когда они снова стоят перед ужасающим Патриархом, разговор идёт немного иначе.

— Это Эмили Колдстоун, дочь городского часовщика, и та, кто украла наши кристаллы молнии, — сообщает Диего, и за его страхом проступает самодовольная ухмылка. — Ей пятнадцать, и она уже самостоятельно пробудившийся маг первого круга. Я подумал, вам будет интересно узнать о столь многообещающем новом даровании.

— Она украла эти кристаллы у Хранителя Пустоты? — предсказуемо спрашивает Патриарх, снова лишая Эмили дыхания, и слегка хмурится, когда она никак не реагирует, лишь смотрит на него отстранённым взглядом и расслабляет лёгкие, даже не пытаясь вдохнуть. — А что с её семьёй?

— Мы убили отца и оставили единственного другого ребёнка — дочь — рядом с телом, как предупреждение всем остальным, кто подумает красть у нас.

Губы внушительного мужчины едва заметно дёргаются при этой новости, и он освобождает Эмили от удушающего захвата.

— Хорошо! Пошлите слугу оставить отметину на её лице. Она станет живым напоминанием для этих смертных, чтобы не смели трогать то, что по праву принадлежит нам, — объявляет Патриарх, и по залу пронесится ледяной порыв ветра.

Чёрт. Прости, Анна, но, думаю, это лучшее, что я могу сделать, чтобы оставить тебя в живых.

Эмили снова активирует Часы, возвращаясь назад, чтобы наконец встретиться с отцом. И рассказать ему о его смерти.

Когда давление, вызванное пробуждением Эмили, спадает, она сидит в мрачном молчании, ожидая появления Хербера. Слушая приближающиеся шаги, она на мгновение обращает внимание внутрь себя, проверяя свой круг маны.

Прирост от медитации сбросился. Ну конечно, чёрт возьми.

Хербер врывается в комнату и смотрит на Эмили.

— Во имя Богини, что здесь случилось? Ты в порядке?

— Я в порядке, я... — Она запинаясь на долю секунды, затем вздыхает и заметно сникает, начиная заново. — Это была не я. Не волнуйся. Но ты можешь сесть? Мне нужно с тобой поговорить.

Всё больше тревожась из-за серьёзного тона Эмили, Хербер выходит из комнаты и вскоре возвращается со стулом. Он осторожно толкает дверь ногой, оставляя её слегка приоткрытой, и ставит стул рядом с Эмили.

— Что случилось, Эми? — с тревогой спрашивает он.

— Помнишь, когда те дворяне пришли и потребовали весь хлам, который я собрала у Хранителя Пустоты?

Лицо Хербера мрачнеет — он мгновенно понимает серьёзность ситуации.

— Ты ведь что-то оставила, да?

— Да. И, кажется, теперь они могут это найти, — отвечает она, и её маска безразличия спадает, а глаза наполняются слезами.

— Подожди, теперь они могут это найти? Так вот что был за тот раскат грома?

Эмили, удивлённая тем, как быстро Хербер всё понял, отвечает не сразу.

— Э-э, да, это было оно. Нам нужно бежать из города. Может, попросим кого-нибудь из знакомых тебе торговцев тайно вывезти нас? — спрашивает Эмили, озвучивая свою последнюю надежду сбежать от неизбежного.

— Нет. Если семья Мандраго придёт сюда и не найдёт нас, тревогу поднимут по всему городу.

И Патриарх может вмешаться.

— Но мы ведь можем попробовать? Я справлюсь с любыми стражниками, которые встанут на пути!

Хербер качает головой, не отступая от своего суждения.

— На пристани слишком много охраны, чтобы мы смогли пройти незамеченными, не подняв большого шума. А как только мы это сделаем, там не найдётся ни одного корабля, который нас возьмёт. Никто не рискнёт навлечь на себя гнев семьи Мандраго ради тех жалких денег, которые мы могли бы предложить. И пешком через пустыню мы тоже никуда не уйдём. Теперь наш лучший шанс — отдать им то, что ты спрятала. Я возьму вину на себя. Может быть, тогда накажут только меня.

Услышав решимость отца умереть за её ошибку, Эмили ломается, понимая, что у неё не получится убедить его попытаться бежать за то время, что у них осталось.

Слёзы катятся у неё по щекам, она опускает голову в ладони и начинает рыдать. Хербер поднимается со стула, подходит и заключает Эмили в объятия.

— Прости, — шепчет она сквозь всхлипы.

— Тш-ш, всё хорошо! Это не твоя вина, — спокойно утешает он, глядя её по голове.

Эмили остаётся в объятиях отца, пока не слышит звон колокольчика в лавке. Она отстраняется и смотрит Херберу в глаза.

— Я всё расскажу тебе до того, как ты умрёшь, обещаю! — с решимостью клянётся она, доставая Часы.

Хербер смотрит на неё с недоумением, пока она вытирает слёзы рукавами, а затем снова

отматывает время назад.

— Во имя Богини, что здесь случилось? Ты в порядке?

Эмили делает глубокий вдох, прежде чем ответить.

— Возьми стул, и я всё объясню. Нам нужно поговорить.

Через несколько секунд Хербер снова сидит в той же позе, что и в прошлом цикле, и Эмили начинает говорить.

— Несколько месяцев назад, когда разбился Хранитель Пустоты, я оставила себе одну из найденных вещей. У семьи Мандраго теперь есть способ её найти, и они собираются убить тебя за то, что ты позволил хранить это в этом доме. — Её голос слегка ломается, когда она делает паузу, и лицо Хербера бледнеет.

— После того как те люди из фр—

Она снова замолкает, услышав скрип в коридоре.

Сосредоточившись, она прислушивается, не раздастся ли ещё какой-нибудь звук.

— Всё в порядке? — спрашивает Хербер спустя несколько секунд молчания.

— А, да, прости, мне показалось, я что-то услышала. Помнишь, когда в прошлый раз приходили люди из семьи Мандраго?

Хербер кивает.

— Ну, ту вещь, что я оставила себе, кусок руды, полный кристаллов, я закопала у стены.

...

Десять минут спустя Эмили заканчивает объяснение и молча сидит, позволяя Херберу осмыслить услышанное.

— Ха, — вздыхает он, подаётся вперёд и обнимает Эмили. — Тебе не нужно мне лгать, Эми. Что бы ни происходило, я всё равно тебя поддержу.

Эмили хмурится, стиснув зубы от раздражения, и отстраняется от него.

— Ты мне не веришь? — спрашивает она, и в её голосе слышится уязвлённость.

— Ну, ты только что рассказала мне, что магия и путешествия во времени реальны, не предъявив никаких доказательств.

— Доказательств?

Мысли Эмили стремительно приходят в движение, и она быстро придумывает возможный способ доказать путешествие во времени.

— Я могу доказать. Иди принеси монету, пап.

Пока Хербер выходит, Эмили достаёт кристаллы маны из ящика, высыпая мешочек на стол. Затем берёт лист бумаги и кладёт его перед собой, как раз в тот момент, когда Хербер возвращается, держа маленькую медную монетку.

— Это кристалл маны, — говорит Эмили, протягивая ему один для осмотра.

Он внимательно рассматривает сверкающий камень и вздрагивает от удивления, увидев в его глубине крошечную вспышку молнии.

— Я точно никогда не видел ничего подобного, — говорит он, поднимая взгляд на Эмили. — Но это не совсем доказательство магии.

Эмили кивает, постукивая по листу бумаги.

— Я записала здесь результаты десяти подбрасываний монеты. Подбрось её десять раз, и они совпадут идеально.

Хербер смотрит на бумагу, затем вздыхает и кивает.

— Ладно, давай посмотрим.

Он подбрасывает монету в воздух.

— И, наконец, герб, — говорит Хербер цикл спустя, показывая Эмили лежащий у него на ладони герб королевской семьи лицевой стороной вверх.

Эмили молча переворачивает лист, показывая точную последовательность подбрасываний, которую Хербер выполнил и в этом цикле, и в прошлом.

— Это не так уж много, — говорит она без особой надежды. — Но этого достаточно?

Хербер несколько мгновений смотрит на неё в недоверии, затем кивает.

— Так, дай-ка я всё проясню. Ты украла эти кристаллы маны у семьи Мандраго и создала из них машину времени. Потом пробудилась как сверхчеловеческий маг-механик и попыталась бороться против дворян, которые все маги... И всё это действительно произошло?

— Техномант, но в целом ты всё правильно понял.

— Хорошо, то есть что бы ты ни делала, они хотят моей смерти, а тебя — себе в служанки. Но если они решат, что Анна может служить напоминанием об их силе, то оставят её в живых, хоть и со шрамом?

Эмили молча кивает, и Хербер тяжело вздыхает.

— Ты хоть представляешь, что они сделают после того, как заберут тебя? Ты уверена, что у них нет способа узнать о твоём двойном пробуждении?

— Они говорили что-то о том, что будут учить меня магии, но кроме этого я ничего не знаю, потому что ни разу не позволяла циклу зайти слишком далеко. Я слишком сильно пыталась спасти тебя... И ещё, думаю, нет? Мигель не понял этого, когда сканировал меня, а другого способа узнать больше об их возможностях за оставшееся время у меня нет — я ведь не могу уйти дальше чем на двадцать четыре часа назад, помнишь? — если только не спровоцировать самого Патриарха проверить меня. Но я не хочу, чтобы этот человек вообще приближался ко мне — вдруг он помешает мне активировать Часы. Так что, думаю... нам остаётся только надеяться, — подавленно отвечает Эмили, разочарованная тем, что даже после стольких откатов времени у неё так и не появилось чистого решения.

Хербер подаётся вперёд и обнимает Эмили, прежде чем продолжить.

— Я не стану говорить, что это не твоя вина, потому что мы оба знаем — это было бы ложью. Но я тебя не виню. Ты совершила ошибку, вот и всё. За свою жизнь ты совершишь ещё бесчисленное множество ошибок, даже с твоей новой способностью путешествовать во времени, и иногда тебе придётся жить с последствиями. Полагаю, это как раз один из таких случаев. Всё, что ты можешь, — постараться не совершать одну и ту же ошибку дважды. И всегда помни: я так тобой горжусь, и какой бы путь ты ни выбрала в будущем, если ты считаешь его правильным, я поддержу тебя всем сердцем. Я люблю тебя, Эмили, и никогда не пожалею, что принял тебя как свою дочь.

Эмили рыдает у него на груди, крепко обнимая его несколько минут, прежде чем отстраниться.

— Я тоже тебя люблю, пап. Спасибо, что дал мне семью, — выпаливает она сквозь слёзы.

Хербер печально усмехается и мягко вытирает ей глаза, прежде чем взглянуть на время.

— Сейчас восемь, и ты сказала, что они приходят примерно в четверть девятого, верно? Нам стоит поговорить с твоей сестрой. Тебе тоже нужно с ней попрощаться, потому что, думаю, после того как ты уйдёшь сегодня ночью, вы довольно долго не увидите.

— Подожди, правда? Я даже не заглядывала так далеко вперёд...

Хербер ерошит Эмили волосы, после чего они встают, собирают кристаллы маны и идут через дом к комнате Анны, останавливаясь у закрытой двери.

— Почему бы тебе не сделать нам горячие бутерброды с салями? Последнее угощение. Я приведу её после того, как сам с ней поговорю, — предлагает Хербер.

Эмили кивает и обнимает Хербера, прежде чем направиться на кухню — готовить последний ужин, который никогда не будет съеден.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17112/1597893>